

КРИСТИНА ДОДД

СОБЛАЗНЕННАЯ
ПРИНЦЕМ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Д60

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Christina Dodd
TAKEN BY THE PRINCE

*Перевод с английского В.Н. Матюшиной
Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment,
LLC и Andrew Nurnberg.

Додд, Кристина

Д60   **Соблазненная принцем** : [роман] / Кристина
Додд; пер. с англ. В.Н. Матюшиной. — Москва:
АСТ, 2014. — 318, [2] с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-087203-9

Англия — единственная цивилизованная страна Европы, а англичане — истинные джентльмены, и скромная гувернантка Виктория Кардифф в этом уверена.

Словно в доказательство этого Викторию похищает принц маленького континентального королевства. Ее удерживают в старинном замке в далеком горном лесу. Похититель ведет себя как рыцарь.

Но почему он пошел на такой шаг? Чтобы спрятать опасную свидетельницу, которой известно его настоящее имя и происхождение? Или обольстить прекрасную пленницу, открыть для нее новый притягательный мир страсти и приключений?..

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Christina Dodd, 2011
© Перевод. В.Н. Матюшина, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

Лондон, 1837 год

— Значит, Гримсборо, это и есть твой внебрачный отпрыск?

Одиннадцатилетний Сейбер стоял на толстом ковре посередине большой комнаты в большом английском господском доме. Прищурившись, он сердито смотрел на высокую элегантную пожилую женщину со светлыми волосами, которая осмелилась оскорбить его.

— В Морикадии я убиваю тех, кто меня обзывает, — заявил он на своем родном наречии.

— Что? — переспросила женщина. — Гримсборо, что он сказал?

Человек, сидевший за большим полированным письменным столом, даже не взглянул в их сторону, продолжая писать.

Возле камина стояли, выстроившись в линию, пять нарядно одетых девочек в возрасте от пяти до двенадцати лет, и одна из них, худышка, стоявшая посередине, с ужасом произнесла:

— Он такой грязный!

— И тощий, — добавила другая.

Сейбер переключил на них внимание. Глупые английские неженки.

Они уставились на него, как будто он был дрессированным медведем, и когда он сердито взглянул на них, карие глаза самой младшей девочки наполнились слезами. Засунув в рот большой палец, она спряталась за спинами сестер.

— Видите, он устал, — сказала старшая. — Он едва держится на ногах.

И тут старшие девочки одновременно улыбнулись ему. Улыбнулись добродушно, сердечно, как будто никогда в жизни не соприкасались ни с чем безобразным или жестоким.

Сейбер их возненавидел. Он ненавидел эту леди, ненавидел одетых в униформу слуг, стоявших в ожидании приказаний, ненавидел всех и каждого.

А больше всех он ненавидел злого человека, сидевшего за письменным столом, который, насколько он знал, был виконтом... и приходился ему отцом.

— Глупые английские девчонки, — снова на своем родном наречии произнес он.

— Что он сказал? — спросила английская леди, переводя взгляд с Сейбера на виконта. — Что он имел в виду?

Человек, сидевший за столом, впервые заговорил:

— Подведите его ко мне.

Два по-дурацки одетых лакея схватили его за предплечья и, обогнув письменный стол, поставили его перед сидящим за столом человеком.

Гримсборо жестом приказал поднести ближе канделябр, и когда яркий свет упал на его лицо, Сейбер подумал, что он очень похож на пожилую женщину — сходство было не в чертах лица, которые были у него резкими и четко очерченными, а в манере по-аристократически вздергивать подбородок и презрительно кривить губы.

Гримсборо осмотрел тощего грязного усталого ребенка, словно какого-то жука, которого раздавил сапогом,

и, протянув бледную руку с длинными пальцами, шлепнул его ладонью по лицу.

Звук пощечины словно выстрел эхом отозвался в комнате.

Сейбер упал, и одна из девочек охнула.

Женщина с удовлетворением усмехнулась.

Сейбер бросился на Гримсборо с кулаками, и слуги схватили его и оттащили назад.

Но человек с презрительной миной на лице жестом приказал снова подвести мальчика к нему.

На этот раз слуги не выпустили его из рук.

Гримсборо наклонился к Сейберу, почти прикоснувшись своим длинным патрицианским носом к его носу, и тихим низким голосом, от которого по спине пробежали мурашки, произнес:

— Слушай меня, парень, ты ничтожество — мой ублюдок, прижитый с иностранкой. И если бы у меня был другой сын, твои грязные ноги никогда не испачкали бы пол в моем доме. Но Господь благословил меня в этом браке только дочерью. — Он с презрением взглянул на девочек, нарядно одетых и таких милых в своей невинности. — Пятью дочерьми. Так что ты будешь жить здесь, пока не придет время отправить тебя в школу. И никогда больше не говори о тех, кто выше тебя по положению, в столь оскорбительной манере.

Сейбер тряс головой, пожимал плечами и пытался что-то объяснить жестами.

— И не притворяйся передо мной, парень. Твоя мать говорила по-английски. Каждый слуга, который работает в нашей стране, говорит по-английски. Как и ты.

У Сейбера не хватило духу обругать Гримсборо, но он все-таки сказал по-морикадийски:

— Английский нужен невежественным людям.

Он даже не заметил, что его собираются ударить, поэтому удар был неожиданным, и у него зазвенело в ушах.

— Чтобы я больше не слышал, как ты говоришь на этом варварском наречии, — сказал Гримсборо, не повышая голоса.

Сейбер вздернул подбородок.

— Я тебя ненавижу, — на чистейшем английском языке сказал он.

— Я вас ненавижу, сэр, — не моргнув глазом холодно внес поправку Гримсборо.

Сейбер взглянул на него с отвращением.

— Повтори, — приказал Гримсборо, и при этом в холодных зеленых глазах не было ни интереса и ни малейшего сердечного тепла.

Сейбер бросил взгляд на элегантную женщину, которая в ужасе смотрела на своего мужа, словно мышшь на змею.

Сейбер взглянул на девочек. Четыре из них стояли, опустив головы. Но одна девочка, средняя, сложив руки в молитвенном жесте, посмотрела на него с сочувствием и, когда их взгляды встретились, прошептала одними губами: «Пожалуйста».

Сейбер снова взглянул на Гримсборо. Этот человек, его отец, был несправедлив по отношению к нему, но он ничего не боялся. То есть почти ничего. Просто ему не хотелось идти на уступки. Расправив плечи, Сейбер произнес:

— Я ненавижу вас, сэр, но мой дедушка сказал, что мне следует поехать на этот сырой и холодный остров, закончить ваши варварские учебные заведения и научиться всему, чему смогу — математике, языкам и государственному управлению, — чтобы получить возможность вернуться в Морикадию и освободить свой народ от жестокого угнетения.

Старшая девочка сделала шаг вперед, как будто заинтересовавшись тем, что он говорит, и спросила:

— Если ты хочешь освободить свой народ, разве тебе не нужно научиться драться?

Он бросил на нее презрительный взгляд:

— Я умею драться.

— Тебе потребуется армия. Ты умеешь командовать армией? — Она взглянула ему прямо в глаза, не обращая внимания на его бравладу.

— Я знаю, как командовать, — сказал он в ответ и неохотно добавил: — Но мне придется изучить военную тактику.

— Значит, мы с тобой пришли к согласию в одном: ты перестанешь быть невежественным дикарем и станешь цивилизованным джентльменом. — Гримсборо подозвал слуг и приказал: — Уведите его. Вымойте. Отдайте его в руки наставников и прикажите им использовать все необходимые средства, чтобы научить его всему, что ему требуется знать. Я жду его здесь через шесть месяцев. Не забудьте, что я надеюсь увидеть колоссальные изменения в лучшую сторону, иначе я буду недоволен.

Сейбер почувствовал, как присутствующие в комнате люди вздрогнули при мысли о том, что им грозит, если не удастся угодить Гримсборо.

Взяв перо, Гримсборо вернулся к своей работе за письменным столом, не обращая больше внимания на слуг, жену, дочерей и Сейбера.

— Мы начнем с ванны, — решительным тоном сказала леди Гримсборо.

При одной мысли о том, что эта женщина увидит его голым, Сейбер принялся вырываться из цепких рук слуг.

Мгновение спустя старшая девочка, бледная глупая неженка, одетая во что-то розовое с рюшечками, сказала умоляющим тоном:

— Мама, он такой худенький. Позволь нам, пожалуйста, сначала покормить его.

— Нет, его нужно сначала помыть. Разве ты не чувствуешь, как от него пахнет? — сказала леди Гримсборо, помахав надушенным кружевным платочком перед своим лицом.

Сейбер научился драться, пройдя тяжелую школу. Повиснув на руках одного слуги, он сбил с ног второго и, вырвавшись из их рук, помчался к двери.

Главный слуга с лицом, лишенным какого бы то ни было выражения, успел схватить его, и двое лакеев повалили его на ковер.

Главный слуга помог поставить Сейбера на ноги и отряхнул свои белые перчатки.

— Совершенно ясно, что маленький сукин сын проживет без еды еще несколько часов, — сказала леди Гримсборо, окинув Сейбера таким взглядом, как будто он был ошипанным цыпленком, приготовленным для тушения.

Гримсборо сказал холодным тоном, отчетливо произнося слова:

— С этой минуты его будут звать Рауль. Рауль Лоренс. Леди Гримсборо в полном смятении спросила:

— Лоренс? Но неужели ты намерен...

— Усыновить его? Именно так. Он Рауль Лоренс, сын виконта Гримсборо, и он станет английским джентльменом. А тебя прошу обеспечить, чтобы все в моем доме со знавали, что если мальчика будут называть неправильным именем или величать не тем титулом, это вызовет мое неудовольствие.

Сейбер покинул страну, где был вольным, как птица, и оказался в аду. А его отцом стал сам принц тьмы, дьявол.

Глава 2

Три месяца спустя

Томпсон, дворецкий, впервые перешагнул через порог малой гостиной во время урока танцев Сейбера. Своим звучным голосом, который так раздражал мальчика, он объявил:

— Мистер Лоренс, ваш отец желает поговорить с вами.
Сейбер так резко остановился, перестав вальсировать, что его средняя сестра — он теперь знал, что ее зовут Белл — что-то пискнула от неожиданности и наступила ему сразу на обе ноги.

— Зачем? — спросил он.

— Мы не обсуждаем желания лорда Гримсборо. Мы лишь по возможности скорее делаем то, что нам приказывают.

Сейбер с тревогой взглянул на него.

У Томпсона была тяжелая рука, и он прибежал к плетке, требуя абсолютного повиновения, когда обучал этикете, однако на этот раз, когда Сейбер проходил мимо него по пути в кабинет Гримсборо, он положил руку ему на плечо, чтобы успокоить.

Значит, ничего хорошего ждать нельзя.

Сейбер покопался в памяти, пытаясь припомнить, что он мог натворить такого, что заставило бы отца вызвать его к себе. После своего прибытия он видел Гримсборо только издали, и этого было для него достаточно. Он узнал, что отец приводит в ужас каждого из живущих в доме: свою супругу, на которой женат вот уже пятнадцать лет, своих дочерей, своего управляющего помещьем, своих слуг, начиная с Томпсона и кончая последней девчонкой-судомойкой. Гримсборо не был каким-то необычайно жестоким хозяином, не был он также и распутником или извращенцем. Казалось, он не интересуется ничем, кроме собственных увлечений — коллекционирования книг, посещения драматического театра и скачек. Однако была в нем какая-то загадочная мрачность. В его присутствии солнечный свет тускнел, а воздух становился холоднее. Когда он обращал внимание на человека, виновного в каком-нибудь проступке, этот человек — будь он благородный или простолюдин — старался избежать прикосновения даже к его тени.

Сейбер его не боялся. По крайней мере он убеждал себя в этом. И в некотором смысле это было правдой. Он был слишком занят, чтобы бояться своего отца. Он обнаружил, что и впрямь является невежественным дикарем, как называл его Гримсборо. Он говорил на морикадийском, английском, испанском и французском языках, но на всех языках был безграмотен. Он умел заключать сделки, умел производить в уме арифметические расчеты, но не умел читать числа. Он умел рассказать какую-нибудь историю так, что сестры ловили каждое его слово, но не умел записать ее. Он чувствовал, где находятся север, юг, восток и запад, но не умел пользоваться картой.

Он умел ездить верхом... Он умел это делать лучше, чем кто-либо другой, и быстро обнаружил, что отцовские чистокровные скакуны способны мчаться, словно ветер.

В течение трех месяцев он впитывал, поглощал, усваивал все, чему его учили, движимый уверенностью в том, что чем скорее он узнает, как стать хорошим военным командиром, который сумеет разгромить врагов Морикадии и вернуть захваченный трон, тем скорее он сможет вернуться домой.

А еще его подхлестывал дух соперничества. Ведь даже самая младшая из сестер гораздо лучше знала историю и литературу, чем он.

Такого он не мог стерпеть.

Его обучали также всяким правилам поведения в обществе: он научился кланяться, вести себя за столом, усвоил, какой вилкой или ложкой следует пользоваться; его научили преподносить цветы, улыбаться, он усвоил правильные фразы для всех случаев жизни и то, каким тоном их следует произносить.

Все это он презирал, но Элла, старшая из сестер, заметила, что принцу необходимо знать дипломатию и что после того как он одержит победу на поле боя, ему придется

кланяться, танцевать, есть и говорить комплименты. И она была права, хотя ему это очень не нравилось.

Девочки примиряли его с этой жизнью. Не более того. Просто делали его жизнь сносной.

И каждую ночь он тосковал по своей родной стране, по диким Пиренейским горам. Ему вспоминалось суровое лицо его дедушки, который велел ему ехать в Англию. Он вспоминал успокаивающий запах матери, когда она обняла его в последний раз, а потом посадила на коня и помахала на прощание рукой.

Каждое мгновение, когда он не был занят, он тосковал по ветхому дому в лесистой местности, по запаху сосновой хвои, по неистовым зимним буранам и великолепным летним дням, по видам, открывающимся на горы и ледники.

Никто об этом не знал, но по ночам он плакал. Он, Сейбер, из королевского древнего рода де Барбари Джинет.

И теперь он шел, потому что его позвал человек, который создал весь этот ад, — его отец.

Томпсон постучал в высокую темную дверь кабинета, открыл ее и отступил на шаг, пропуская Сейбера вперед. Тот шагнул в комнату, и дверь за его спиной закрылась. Он остался один со своим отцом.

Как и прежде, Гримсборо сидел за письменным столом и что-то писал, но сегодня шторы были раздвинуты, и неяркое английское солнце освещало его силуэт. Он поднял глаза и жестом подозвал Сейбера ближе.

— Сегодня я получил письмо.

Он взял помятый, с ободранными краями, листок бумаги из пачки таких же помятых бумаг и прочел следующее:

«Милорд, не будете ли вы добры передать эту новость моему любимому сыну Сейберу».

Гримсборо взглянул на сына холодными зелеными глазами.

— Твоя мать, как видно, не поняла, что тебя теперь зовут Рауль Лоренс.

Сейбера охватила тревога, и он не стал возражать против своего английского имени. Сейчас его больше всего интересовало содержание письма.

— Прошу вас, милорд, прочитайте, что пишет мама.

«Его дедушка был убит де Гиньярами, когда ходил в лес, чтобы раздобыть еду...»

Сердце Сейбера сжалось от боли.

«Скажите ему, что эти грязные воры преследовали его как животное и закололи копьями...»

Сейбер не мог дышать, не мог думать. Его глаза застилал красный туман. Он чувствовал, что может потерять сознание.

«...потом они повесили его на дереве и выпустили внутренности. Я дождалась темноты и сняла его с дерева».

Сейбер чуть не закричал. Неужели она не знает, как опасно это делать?

Конечно, она это знала. Она знала, что сделали бы с ней де Гиньяры, если бы поймали.

«Я похоронила его на кладбище рядом с замком, где покоится последний подлинный король...»

Пронзительный вопль вырвался наконец из горла Сейбера. Он опустился на колени и орал, выплескивая свой

гнев на убийц де Гиньяров, свое горе по поводу дедушкиной смерти и свой ужас от подробностей его гибели. Он делал все то, что в Морикадии приличествует делать человеку, узнавшему о смерти любимого главы семьи.

Он смутно слышал, как открылась дверь и как Томпсон с беспокойством что-то спросил.

Отец что-то ответил.

Потом... к его удивлению, он получил удар в грудную клетку. Было очень больно. Он свалился на бок, словно тряпичная кукла, и был не в состоянии даже дышать от боли.

Последовал еще один удар.

Сейбер инстинктивно откатился, защищаясь руками.

Он чувствовал сапог и слышал ненавистный голос отца, который говорил:

— Никогда. Никогда. Англичанин никогда...

Из-за шума в голове Сейбер не мог разобрать слов.

Еще один пинок, на сей раз в плечо, потом послышался умоляющий голос Томпсона...

Гримсборо вдруг схватил его за шиворот разорванной рубашки, приподнял над полом и заглянул в глаза. Своим обычным холодным, четким голосом, как будто и не он только что чуть не убил своего сына, Гримсборо сказал:

— Чтобы я никогда больше не слышал этого звука из твоей глотки. Англичане не воют, словно варвары. Они не плачут, словно женщины. Они не показывают эмоций. Они их вообще будто не имеют. — Он встряхнул Сейбера. — Ты понял?

Сейбер сердито посмотрел на него. Он хотел бы понять, но не понимал, что это за зверь, который считает преступлением скорбь по любимому дедушке.

— Понял? — переспросил Гримсборо.

Сейбер знал, что следует сопротивляться, следует настаивать на своем праве горевать, но он закашлялся и почувствовал во рту вкус крови. Каждый вздох вызывал ди-

кую боль, от которой мутилось сознание. Он не видел ничего, кроме требовательного взгляда отца, и его глаза были такими же холодными и бездушными, как у змеи.

Сейбер кивнул.

Гримсборо отпустил его.

Боль распространилась по всему телу, но Сейбер запомнил слова отца и не издал ни звука.

— Забери его отсюда, — приказал Гримсборо и, повернувшись к нему спиной, вышел из комнаты.

Бормоча какие-то подбадривающие слова, Томпсон увел Сейбера из комнаты.

В тот день он получил урок — тяжелый, жестокий, болезненный урок. Урок, который запомнил на всю жизнь.

Скрывай свои чувства. Никогда не поддавайся эмоциям. Потому что Гримсборо хотел сына только при условии, что этот сын будет похож на него.

Поэтому, когда пять месяцев спустя Гримсборо позвал его к себе и прочел ему другое письмо, Сейбер не проронил ни звука.

Да и смысла в этом не было. Он потерял самое важное, что имел в жизни: умерла его мать.

Глава 3

Десять лет спустя

На вершине холма сидел в седле, держась прямо, двадцатиоднолетний Рауль Лоренс и с едва заметной улыбкой наблюдал за очаровательной сценой, разыгравшейся внизу. Девушки из школы, где училась Белл, шествовали, словно семена цветных одуванчиков, которые несет ветер, по газону перед домом его отца в Гримсборо-Абби, вращая зонтиками нежно-розового, желтого и голубого цветов. Ра-

уль издали узнал Белл, которая сопровождала самую многочисленную группу девушек в ознакомительном турне по саду, показывая цветники, вьющиеся розы, мощные дорожки и качели на дереве, которые он соорудил для сестер вскоре после своего приезда из Морикадии.

Все это было десять лет назад, но хотя он по-прежнему безумно тосковал по дому, он знал, что это чувство следует переносить стоически, одному и молча.

Он никогда не думал, что такое возможно, но в Англии он кое-кого полюбил: своих сестер, друзей, лошадей, Томпсона, даже мачеху... бедняжку. Они сделали его ссылкой вполне сносной, и он всем сердцем радовался, что они у него есть.

Юная леди, гулявшая под руку с Белл, озадаченно взглянула на подругу. И Рауль понял, что ее смутило. Белл с ее ямочками на щеках, появившимися, когда она улыбалась, с ее добрым сердцем и неожиданно умными суждениями озадачивала, как правило, их всех.

Его, как видно, заметили, потому что к нему на холм торопливо поднимался слуга.

Рауль спешился. Вынув из седельной сумки подарок для Белл, он передал слуге поводья и стал спускаться к цветникам.

Когда он подошел ближе, юная леди, что шла с Белл, увидела его.

Он даже остановился.

Таких красивых девушек Рауль еще никогда не встречал. Она была чуть выше среднего роста, с хорошо развитой грудью и тонкой талией. Синие, как васильки, глаза были опущены темными ресницами, густые белокурые волосы собраны в пучок у основания шеи. Рот словно был создан для поцелуев, для сладострастия, а над верхней губой у левого уголка красовалась черная родинка.

Девушка была само совершенство.